

Лена БЕЛОУСОВА: *Вот Москва. 1999-2000. 24 июня. 2.5* Я — конфликтная

Лена Белоусова, пожалуй, одна из немногих певиц, которая заставляет говорить о себе. Хорошо или плохо — вопрос другой. Девушка со славной мордашкой уверенно берет эстрадную высоту, старательно доказывая скептикам, что она — не только вдова Белоусова, но и личность.

Дмитрий АБАЗА

Рамазан РАМАЗАНОВ

— Лена, трудно было утвердиться как Белоусова после Жени на эстраде?

— Еще как! Но мое упрямство меня вытащило. Я сейчас делаю то, к чему шла всю жизнь.

Мой первый клип был, так сказать, проходным, но уже второй, надеюсь, показал, что я пришла на эстраду с серьезными намерениями.

— Создание образа — единства песни, костюма, грима — важно для тебя?

— Конечно! Не буду же я петь «Вечерок» в боа. Некоторые артистки навешивают на себя такую яркость, что аж в глазах рябит. Надевают на себя все, что есть в доме.

— Какие у тебя отношения с телевидением?

— Как и у всех — коммерческие, поблажек там никому не делают, разве что Кобзону и Пугачевой.

— Кто пишет тебе музыку?

— Совершенно разные люди, хотя, надо сказать, что с репертуаром очень большие проблемы, поэтому я часто возвращаюсь к Жениным песням. Может, этого и не стоило делать, но у него были очень мелодичные песни, которым я хочу дать второе дыхание.

— Какие песни ты не стала бы петь?

— Про родину, про комсомол... И глупые песенки про любовь.

— Но сегодня в нашем шоу-бизнесе акценты делаются не на интеллектуальные тексты и режиссерские находки.

— Именно поэтому многие артисты так недолговечны. Считается, что непременно нужно обнажить грудь или плечо, или продемонстрировать длину ног, чтобы зритель тебя заметил и запомнил. Но... прошли времена, когда голое плечо обязательно вызывало «слюноотделение». Сегодня возникает понятие «философии клипа».

— Однако, судя по твоему последнему клипу, обильно напичканному эротикой, у тебя уже был опыт кино- или фотосъемок?

— Я когда-то позировала для западных журналов, не эротических. Мне было 16 лет, надо было как-то зарабатывать. Фотографы из шведских журналов снимали меня в Москве, но я не знаю, где публиковались мои фотографии. Мне платили за фотосес-

сию, и я даже не отслеживала, куда шли мои фотографии. Но обнажала я только плечи.

— Сегодня ты смогла бы обнажиться, скажем, для клипа?

— Легко, только дайте нормальный сюжет, чтобы это не было пошло.

— Журнал «Плейбой» не обращался к тебе?

— Я не знакома с господином Троицким, хотя года четыре назад мне предлагали сниматься в «Плейбое». Женя был против того, чтобы его жена появилась на страницах этого журнала.

— Легкий раскол твоих глаз — это намек на твое происхождение?

— Бабушка была татаркой. Видимо, это от нее.

— А жгучим темпераментом можешь похвастаться?

— Пожалуй, да, причем во всем: в работе, в жизни, в отношениях, в сексе, наконец. Моя некоторая агрессивность, упертость — это, видимо, от бабушки. Я — конфликтная, и многие закрывают двери прямо перед моим носом. У меня либо белое, либо черное — золотой середины не бывает.

— Многие убеждены, что за красоткой, тем более певицей, всегда стоит какой-нибудь толстосум, пузатый дядя.

— Опровергаю! Никаких дядь у меня нет. Не знаю, к счастью или к сожалению. Очередь из любовников за дверью тоже не выстраивается. Я сама нахожу людей и убеждаю их в состоятельности моих проектов.

— Ты родом из Питера. Как тебе живется в Москве?

— Я приехала в Москву в 15 лет, ночевала на вокзале. От желания стать артисткой просто стучало в висках. Денег было только на билет туда-обратно и на два пирожка с рисом по 10 копеек.

— А были предложения поменять или улучшить «условия пребывания»?

— Ну что вы, смешно отвечать на предложения на вокзале, как-то несолидно (смеется). Я знала, что моя судьба сложится не на вокзале. С кем-то познакомилась, предложили работу, появились какие-то деньги. Позже познакомилась с фотографами московских изданий, которые и свели меня с коллегами из Швеции. Дальше вы уже знаете.

— Как в твоей жизни появился Женя?

— Опять же случай. Мы познакомились в гостях. Можно сказать, что он отбил меня у своего же друга, к которому пришел в гости.

— Он уже был свободным после альянса с Ветлицкой?

— Да.

— А как случилось, что ты запела?

— Узнав, что мне нравится петь, Женя включился в процесс построения моей певческой карьеры. Потом неожиданно спохватился и говорит: «Зачем мне жена-артистка? Иди вон лучше на кухню». Мне было категорически запрещено думать о шоу-бизнесе. Единственное, что хоть как-то позволяло находиться рядом со сценой, — это петь вместе с Женей и ездить с ним на гастроли. Но я-то знала, что все равно стану певицей, какие бы запреты он ни накладывал. Конечно, уйти от Жени, лишь бы петь, было безумием. Я решила убедить его в этом. Но с каждым годом он становился все более непреклонным.

— То есть отправил тебя к кастролям?

— Я не очень люблю готовить. Женя иногда сам баловал меня своей стряпней. Он умел готовить так, что позавидовали бы самые выдающиеся кулинары.

— Лена, а какие мужчины тебе нравятся: властные, податливые?

— Как Женя. Он был солнечным человеком. На самом деле у Жени был жесткий и строгий характер. Он подчинял всех, кто находился рядом, независимо от того, мужчина это или женщина, был прирожденным лидером. Равных ему я не встречала.